

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-4-801-816
EDN: QKUFPR

Научная статья / Research article

Конструктивизм «третьего поколения»: фрейминг и коммуникация

Т.А. Алексеева , Ж.А. Верховская

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

 ataleks@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению некоторых новых методологических тенденций в конструктивизме «третьего поколения» ученых. Его представители, сохраняя приверженность базовым постулатам конструктивизма, в то же время обратили свое основное внимание на вопросы, связанные с теорией коммуникации, в частности к фреймингу как одному из способов конструирования реальности и насыщения ее определенными смыслами. Опираясь на теорию диалога Мартина Бубера, конструктивисты обращают внимание на опасности универсализма в исследовании политики как предпосылки и даже манифестации идеологизированной фиксации некоторых понятий, положений и тезисов. Между тем формирование сообщества как «мы» предполагает плюрализм подходов и признание разных точек зрения и одновременно «очищение» информационного пространства от множества фреймов, позволяющих через манипулирование «фейками», стереотипами и ложными историями формировать представление о реальности, существенно ее искажающей и даже видоизменяющей.

Ключевые слова: конструктивизм, теория коммуникации, фрейминг, теория диалога, интерактивный конструктивизм, универсализм, плюрализм

Для цитирования: Алексеева Т.А., Верховская Ж.А. Конструктивизм «третьего поколения»: фрейминг и коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 801–816. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-801-816>

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10159 «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере государств Скандинавско-Балтийского региона)»).

© Алексеева Т.А., Верховская Ж.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The “Third Generation” Constructivism: Framing and Communication

Tatyana A. Alekseeva , Zhanna A. Verkhovskaya

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 ataleks@mail.ru

Abstract. The research is devoted to the consideration of some new methodological trends in the constructivism of the “third generation” of scientists. Its representatives, while remaining committed to the basic postulates of constructivism, at the same time turned their main attention to issues related to the theory of communication to framing as one of the ways of constructing reality and saturating it with certain meanings. Based on Martin Buber’s theory of dialogue, constructivists draw attention to the dangers of universalism in the study of politics as a prerequisite and even a manifestation of the ideological fixation of certain concepts, positions, and theses. Meanwhile, the formation of a community as “we” presupposes a pluralism of approaches and recognition of different points of view, and at the same time “cleaning” the information space of many frames that allow, through the manipulation of “fakes,” stereotypes and false stories, to form an idea of reality that significantly distorts it and even modifying.

Keywords: constructivism, communication theory, framing, dialogue theory, interactive constructivism, universalism, pluralism

For citation: Alekseeva, T.A., & Verkhovskaya, Z.A. (2023). The “third generation” constructivism: Framing and communication. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 801–816. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-801-816>

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-78-10159 “The phenomenon of strategic culture in world politics: the specifics of influencing security policy (on the example of the Scandinavian-Baltic states)”).

Как известно, еще в 1989 г. вышла в свет книга американского международного Николаса Гринвуда Онуфа «Мир нашего создания: правила и правило в социальной теории и в международных отношениях» [Onuf 1989]. В этой работе Онуф впервые применительно к теории международных отношений употребил понятие «конструктивизм», давшее имя течению международно-политической мысли, с конца 1980-х — начала 1990-х гг. занявшему одно из важнейших мест на сегодняшнем теоретико-международном Олимпе.

Замысел весьма амбициозного проекта Онуфа сводился к тому, чтобы ни много ни мало «перестроить» всю теорию международных отношений, не утратив политического характера дисциплины, одновременно вписав ее в социальную теорию. В центр своего проекта он положил теорию структуризации английского социолога Энтони Гидденса, в соответствии с которой общество воспроизводится как система взаимодействия между индивидами — субъектами действий, создающими структуры, которые, в свою очередь, служат объективными условиями — средствами (предоставляют возможности) и ограничениями (задают рамки) для последующих действий. Таким образом, говоря словами Онуфа, «люди и общество конструируют или конституируют друг друга»

[Onuf 1989: 36]. Конструирование реальности, будь то внутривнутриполитической или международной, происходит благодаря действиям людей, в том числе речевым актам, которые благодаря повторениям институционализируются в правила, которые, в свою очередь, форматируют поведение граждан.

Эта вроде бы несложная идея сыграла роль триггера в изменениях мировоззрения международных. Относительно быстро конструктивизм обрел множество приверженцев. В соответствии с данными обзора кембриджской исследовательской группы ТРИП 2017 г. более 50% ученых в странах за пределами США признались, что относят себя к конструктивистам или же используют конструктивистские методы [Zarakol 2017: 75]. При этом в США, в силу многих исторических обстоятельств, включая долговременный акцент на прагматизме, сторонников конструктивизма заметно меньше, чем, например, в Европе. Однако сам факт такого быстрого роста популярности конструктивизма среди ученых-международников, причем по всему миру, весьма примечателен.

В самом общем виде конструктивизм определяют как философское убеждение в том, что люди не столько изучают мир, сколько сами конструируют свое понимание реальности — смыслы явлений, событий и процессов, основываясь на взаимодействии с окружающей средой, предоставляющей свидетельства и возможности для мысленного экспериментирования, иначе говоря, для конструирования действительности. Этот подход исторически сформировался в научном сообществе как одно из направлений, предполагающих комплекс идеалов и регулятивных принципов познания, поэтому на протяжении тысячелетий в том или ином виде уже присутствовал в истории политической мысли.

Мотто конструктивистского подхода может быть сведено к следующему: объективная реальность не доступна человеческому познанию, равно как и постижение истины — нам «известно лишь то, что мы в том или ином смысле сами сконструировали, создали, произвели» [Rockmore 2005: 24]. По сути, это эпистемология, предполагающая, что познание воспринимается как активное участие субъекта в построении (конструировании) и интерпретации мира, а не просто как его изучение, отражение или описание.

Международные отношения социально сконструированы — вслед за социологами П. Бергером и Т. Лукманом это начали утверждать конструктивисты-политологи [Бергер, Лукман 1995]. Как социальная теория конструктивизм размышляет о роли знания (эпистемологии) в конституировании социальной реальности. Он, говоря словами известных конструктивистов Марты Финнемор и Кэтрин Сиккинк, рассуждает о природе социальной жизни и социальных изменений [Finnemore, Sikkink 2001]. Он видит свою задачу в том, чтобы понять и определить роль интерсубъективности, социального контекста, взаимодействия и соконструирования агентов и структуры, а также управляемую по определенным правилам природу общества. В этом смысле — это метатеория, иначе употребляя понятие Томаса Куна, парадигма парадигм.

«Взрывной» успех конструктивизма, кроме того, во многом был связан с тем, что он предложил «третий, средний путь» в отношении чуть ли не всех бинарных оппозиций, составлявших «основной поток» (mainstream) в теории

международных отношений, находившихся в центре «великих дебатов», то есть позволял отойти от крайностей рационализма/рефлексивизма, реализма/идеализма, индивидуализма/холизма и т.д. Отсюда — вполне закономерный эклектизм конструктивизма, его компромиссность, нечеткость очертаний и относительная нестрогость методических требований, что отнюдь не делает его менее интересным эвристически или менее применимым как “usable knowledge (полезное знание). Границы парадигмы отличаются прозрачностью, текучестью и взаимоналожением с другими парадигмальными подходами. Поэтому определение конструктивистской парадигмы в жестких, однозначно зафиксированных терминах в принципе неправильно.

Неудивительно поэтому, что определения конструктивизма часто противостоят друг другу, причем это относится также к таким категориям, как идеи, нормы, правила, идентичность и интересы. Конструктивизм также подразделяют на разные направления — «мягкий» и «твердый» конструктивизм, умеренный и радикальный, критический и конвенциональный, постмодернистский и неоклассический. Пестрота в оценках во многом объясняется тем, что конструктивизм изначально не был однородным течением, для него был характерен плюрализм, более того, и в дальнейшем он продолжал расползаться по разным подходам и направлениям, в каких-то случаях сохраняя верность первоначальной социальной ориентации, в других — сближаясь с политической психологией, историей или педагогикой, в третьих — оставаясь в рамках политической теории, особенно критической. Майкл Мэтьюз идентифицирует свыше 20 разных форм конструктивизма с точки зрения методологических, радикальных, дидактических и диалектических соображений [Matthews 2000].

Как бы там ни было, конструктивизм смог поставить ряд новых вопросов, которые, как правило, либо не затрагивали традиционные теории, либо давали им однозначную трактовку, в том числе вопрос об идентичности, нормах, причинно-следственных связях и их понимании, о роли власти в формировании национальных интересов, институтов и международного управления, о новом типе территориального конструирования и складывании транснациональных регионов, а также проблем и аспектов коммуникации. Ключевыми концептами в конструктивистской аргументации стали «дискурсы», «нормы», «идентичность» и «социализация», радикально изменившие даже сам характер обсуждения таких проблем, как политика безопасности, глобализация, права человека, и других наиболее актуальных теоретических и практических вопросов мировой политики.

Одной из наиболее значимых для конструктивизма тем стали также взаимоотношения между агентами и структурами. Для конструктивистов наибольший интерес представляют не столько существующие институты, структуры или системы сами по себе, сколько то, как именно происходит выбор альтернативных форм дискурсов, т. е. наделение концептов и событий смыслами, а также то, как исследователи формируют содержательные вопросы и каким образом принимают те или иные интерпретативные методы.

Одним из течений в конструктивизме стал так называемый интерактивный конструктивизм, вносящий немаловажный вклад в рассмотрение проблем

коммуникации. Это направление было сформировано в значительной степени под влиянием философского дискурса постмодернизма. Заметный вклад в его разработку внесла «школа» Кёльнского университета в ФРГ, а в частности такие авторы, как Керстен Райх, Стефан Нойберт и некоторые другие [Reich 1998, Neubert, Reich 2001]. Внимание интерактивных конструктивистов сосредоточено в основном на дискурсах, которые рассматриваются ими, с одной стороны, как символические формы, отражающие текущие паттерны правил, распределений и устройств, иначе говоря, связаны с признанием того факта, что всякий дискурс стремится к распространению, то есть превращению в модель для других дискурсов; с другой стороны, они воспринимают дискурсы как события, то есть движения внутри таких предписаний, т.е. случайности, сдвиги и перемещения вновь и вновь подрывают безопасность упорядоченной структуры. Иными словами, по мнению теоретиков этой «школы», следует принимать во внимание даже напряженность, существующую при обсуждении дискурсов, — их следует воспринимать и анализировать как подвижные, существующие временно в контекстах социального понимания и даже в момент своего формулирования в ряде случаев, уже находящихся в процессе движения в направлении других дискурсов. Дискурс, как правило, пребывает в состоянии конструирования, реконструирования и деконструирования, причем его восприятие со стороны самого исследователя и других ученых или наблюдателей может существенно разниться. В этом свете особое значение приобретает возможность рассмотрения коммуникации с точки зрения носителя и создателя дискурсов.

При этом актер никогда не остается в одиночестве. Он всегда одновременно и участник, и наблюдатель некоего действия [Reich 1998]. Поскольку дискурсы рассматриваются как символические порядки и как создатели правил, паттернов, распределений и устройств, всегда важен контекст понимания и легитимации. Даже на уровне лингвистических оснований они включают способ применения, а также культурную жизнеспособность, отражая те согласия, которые достигнуты, пусть и временно, в данном обществе. Поэтому дискурс не может быть понят как некая целостность, тотальность. Всегда в нем что-то отсутствует.

В отличие от объективистского и универалистского подходов конструктивисты предполагают, что действия, участие и наблюдения берут свое начало в культуре. А это означает, что объективность и универсальность дискурсов оказывается столь хрупкой в нынешних условиях, что быстро распадается и разрушается при постмодернистском повороте. Возможно, они сохраняют свою актуальность сами по себе, но при малейшей попытке выхода вовне и столкновения с другими дискурсами и аргументами они более уже не в состоянии сохранить универалистскую применимость для всех людей и любых конstellациях человеческих интересов. Иначе говоря, становятся всего лишь одним из вариантов взглядов среди многих других.

Дискурсы, как это уже неоднократно подчеркивалось в научной литературе, это не просто языковые игры вне практики и институтов. Они глубоко погружены в культурный контекст. Поэтому практика дискурсивной коммуникации

не ограничивается поиском научно обоснованного, объективно доказуемого способа мышления, присущего тому или иному сообществу, она непременно принимает во внимание контекст отношений и жизненные миры, ускользающие из внимания научной объективизации. Например, Юрген Хабермас предложил интерпретацию, сочетающую рационализм, универсализм и современную демократию, одновременно подчеркнув их связь с жизненным миром [Habermas 1987]. С его точки зрения, либеральная демократия — воплощение прогресса в рациональной аргументации и транскультурных ценностных предпосылках, воплощение регулирующего идеала свободной и неискаженной коммуникации.

Другие теоретики, например Шанталь Муфф, Эрнесто Лаклау, Жак Деррида и др., делают больший акцент не столько на согласии, сколько на несогласии. По их мнению, демократическая политика в принципе не может основываться на полном консенсусе. Конфликты, социальные противоречия, столкновение интересов, будь то во внутренней политике или на международной сцене, предполагаются на всех уровнях, публичных и частных. «В самом деле, — подчеркивает Муфф, — специфика либеральной демократии как новой политической формы общества состоит в легитимации конфликта и отказе от его уничтожения через внедрение авторитарного порядка. Либеральная демократия — это прежде всего *плюралистическая* демократия» [Mouffe 1996: 8]. Соответственно, поддержка либеральной демократии со стороны политических институтов предполагает динамизм между согласием и несогласием. В этом смысле конструктивизм следует традиции постмодернизма, названной Жаном Франсуа Лиотаром «распрей».

Эти темы приобретают особое значение у наиболее современного, «третьего поколения» конструктивистов. Третье поколение конструктивистов вновь вернулось к постпозитивизму (во всей его многоликости), снова обратилось к исследованию дискурсов и интерпретации смыслов.

Если конструктивисты второго поколения (в конце прошлого столетия) почти не интересовались проблемой человеческого «Я» и взаимоотношений личности с другими людьми, не слишком внимательно принимали во внимание глубоко социальный характер людских связей, то интерес представителей третьего поколения направлен, прежде всего, на изучение поведения индивидов, и в меньшей степени, — институтов, групп и структур в целом.

С этой точки зрения, важное значение приобрело обращение к идеям известного философа-экзистенциалиста Мартина Бубера (1878–1965) и его философии диалога. В книге «Я и Ты» (1923 г.) Бубер доказывал, что между отношением человека к Богу и отношением к ближнему существует тесная связь [Бубер 1993].

Условиями межличностного диалога, по Буберу, является не просто присутствие другого человека, а подлинное намерение совместно решить какую-то проблему, условием чего становится открытость по отношению друг к другу. В результате возникают отношения «Я-Ты» (I-Thou), то есть способность слышать собеседника и осознавать единство сосуществования с ним. Конструирование отношений «Я-Ты» позволяет связать несколько «Я» вокруг общего центра

и тем самым создать «межличностную сферу» отношений, или, иначе, «Мы» как сообщество.

Но это лишь одна сторона проблемы. Другая — тип отношений — «Я — Оно» (I — It), который основывается на инструментализации членов общества и дистанцировании людей друг от друга. Эти отношения препятствуют возникновению диалога и формированию сообщества «Мы».

В любом случае буберовская интерпретация предполагает принятие другого, признание допустимости инаковости. Бубер подчеркнул, что в диалоге нет места для господства или иерархии, так же как и исключения кого-то из участия. Соответственно, «диалогичный мир», по Буберу, — это событие, происходящее между людьми без взаимных оговорок. Однако подлинный диалог в наше время стал невозможным — слишком много сопутствующих обстоятельств, поэтому восстановление чисто человеческой способности к ведению диалога должно стать важнейшей задачей. Более того, сам диалог часто оказывается имитацией, происходит подмена диалога полемикой, то есть априорной демонстрацией уверенности в правоте своей точки зрения и неприятии альтернатив (позднее об этом подробно напишет французский философ Мишель Фуко).

Обращение к Буберу — отнюдь не случайно. Это, в сущности, еще одно подтверждение того, что конструктивизм как теоретический подход отвергает все формы рационального универсализма.

Эта констатация важна в свете особенно навязчивой в последнее время идеологизации либерализма, которая очевидно создает искаженную и догматичную картину мира, причем, прежде всего, посредством коммуникации. Универсализм с неизбежностью делает дискурс крайне односторонним, полагают конструктивисты. Даже наиболее рациональные личности, опирающиеся на общие интересы своего интерпретативного сообщества в своем стремлении найти наиболее рациональное решение имеющихся проблем, не могут избежать исключения каких-то других людей из сообщества по интересам, фактически не давая возможность другой стороне представить свои аргументы. Французский философ Эммануэль Левинас писал, что Освенцим (как концентрационный лагерь, лагерь смерти, в котором погибли свыше 4 миллионов узников, причем свыше 1 млн были евреи) стал символом варварского разума, который в конечном счете соответствовал дискурсу «Запада» и ориентации «западного» универсалистского типа мышления на самость и очевидность инаковости, неприятия Других [Левинас 2006]. Отрицание Других присутствует везде, где провозглашается высший разум, даже если чисто формально. В противоречивом, плюралистическом обществе, сама практика аргументации деконструирует такие формальные концепты конечного довода, поскольку жертвует идеально-типическим. Тем самым само по себе ожидание консенсуса блокирует признание инаковости другого, разных мнений в интерпретативных сообществах, стремящихся к признанию. Конструктивизм по сути своей склонен к произвольности в интерпретации и уже поэтому препятствует идеологизации выдвигаемых положений и аргументов [Калинина 2020: 127].

Во избежание тоталитарной полемики именно межличностный диалог рассматривается конструктивистами третьего поколения в качестве главного лекарства для современного общества всеобщего отчуждения. Более того, предполагается, что и сам конструктивизм открыт для диалога, не допуская превращения в догму, что, к сожалению, свойственно многим другим парадигмам, впрочем, некоторым его течениям также. Соответственно, возникает возможность рассматривать конструктивистов как активных строителей мирового сообщества за пределами академического мира, в чем некоторые из них видят свою стратегическую цель. Фундаментальными строительными блоками социальной жизни в их подходе становятся взаимодействия индивидов друг с другом, иначе говоря, коммуникация.

Коммуникация как проблема конструктивизма

Со временем изменился сам подход к обществу. Под влиянием неклассической и постнеклассической картин мира изменился характер познания: понятия научной онтологии (такие как атом, квант, кварк, материя, ген, нейрон, вирус и т. д.) начали рассматриваться как социальные конструкты. Даже само понятие общества превратилось в социальный конструкт, причем такой конструкт, происхождение которого, как доказывал еще один крупный немецкий социолог Никлас Луман, невозможно объяснить никак иначе, кроме как из самого себя. Луман впервые свел весь социальный процесс к единой операции — коммуникации, т. е. единству трех элементов: сообщения, информации и понимания. Таким образом, сами взгляды Лумана в конце концов оказались своеобразной формой социально-радикального конструктивизма [Луман 2004].

При рассмотрении проблем коммуникации возникает ряд проблем, в том числе связанных с тем, что по сей день нет точного определения концепта и его компонентов. Тем не менее интуитивно мы осознаем, что речь идет о еще одном «сущностно оспариваемом концепте» (В. Гэлли), предполагающем разные интерпретации при сохранении подвижного «нервного узла» [Gallie 1956], хотя и «плавающего» в зависимости от контекста и задач исследования.

Важно отметить тот факт, что мы действуем, а главное, взаимодействуем, как правило, в рамках определенной логики, которая и подразумевает под собой конструктивистское начало. Подходов к коммуникациям существует бесчисленное множество. Их рассматривают как в узком, так и в широком смысле. В целом подходы можно поделить на лингвистический, интеракционный и технократический. Несмотря на то, что субъект у них схож, специфика объекта в коммуникативном дискурсе меняется. Если лингвистические подходы рассматривают проблемы языка, то интеракционный подход ставит во главу угла само взаимодействие. В свою очередь, технократические подходы отчасти схожи с ранее упомянутыми, но проходят через призму средств доставки информации — средств коммуникации.

Как известно, коммуникация, затрагивающая фундаментальные аспекты человеческого понимания, имеет социальную направленность как деятельность,

которая, будучи успешной, устанавливает взаимопонимание людей. В отличие от макросоциологического, структурного подхода к обществу, рассматривающего его как целостность социальных институтов (государство, религия, семья и т. д.), микросоциологический подход, одним из вариантов которого выступает конструктивизм третьего поколения, сориентирован на человеческие взаимодействия, и, что наиболее существенно, интерпретацию поведения людей. Это требует наблюдения за поведением людей и объяснение мотивация поступков и действий — отсюда стремление исследователей понять природу их коммуникации между собой.

Большое значение придается сегодня символам, воплощающим социальный мир, а также языку (речи). Предполагается, что участвующий в коммуникации человек распознает его и одновременно интерпретирует. В процессе коммуникации люди могут меняться ролями, но ключевое положение — понимание Другого, означающее не просто необходимость поставить себя на его место, но включить также воображение, отражающее его представление о внешней среде.

Таким образом, третье поколение вернулось к социологическим идеям символического интеракционизма. Речь идет о необходимости рассматривать разные формы доминирования и структурного неравенства, причем до того, как раскрывать их как интерактивные процессы. «Зеркало Я» воссоздает отнюдь не только положительные эмоции, а гораздо чаще такие, как раздражение, гнев или излишняя гордость. Иначе говоря, человек постоянно воспроизводится в интерактивном опыте, в ежедневном взаимодействии эмоций, идентичности и тела. Это относится не только к человеку, но и к международным акторам. Так, Е. Суботик и А. Заракол подчеркивают, что «чувство самоопределения» государства «может содержать такие эмоции, как стыд, вина и смущение, а отнюдь не только позитивные чувства» [Subotic, Zarakol 2013].

Таким образом, самоидентификация государства — не просто результат его борьбы за улучшение своего положения по отношению к другим государствам как формы реализации национального интереса, но также и следствие оценки собственного прошлого и внутренних конфликтов, причем во многих случаях пересмотра их значения под внешним влиянием. В книге с весьма характерным названием «После поражения: Как Восток учился жить с Западом» Заракол показывает, как исторически Россия, Оттоманская империя и Япония воспринимали западные нормы извне, что, по их мнению, привело к появлению «комплексов неполноценности» и попыткам исправить свою идентичность [Zarakol 2010: 312]. Или, иначе говоря, варианты «постимперского синдрома на Востоке» у бывших метрополий, сочетающего, как представляется «западным» теоретикам, подавленность со сесью. Очевидно, что это открывает возможности для внешних сил использовать такого рода синдромы в своих целях и манипулятивных технологиях, что, собственно, и делается.

Специфика правил, направляющих социальное взаимодействие, крайне важна для понимания международных отношений, постоянно подчеркивают

конструктивисты. Поэтому исследователю не просто необходимо принимать во внимание как данность феномены мировой политики, а осмысливать события и процесс принятия решений, то есть фиксировать характеристики, которые до последнего времени попросту игнорировались учеными и аналитиками.

Если можно так выразиться, символический интеракционизм сбрасывает «высокую политику» с ее пьедестала; делает ее тривиальной, а значит, открытой для критики. Иначе говоря, осмысление процессов принятия решений приобретает более демократический и менее тоталитарный характер, в каком-то смысле происходит «очеловечивание» «большой политики». Конструктивизм, таким образом, вновь утверждает социальную природу науки. «Политическая реальность с позиции новой онтологической политики (а третье поколение конструктивистов очевидно работает именно таким образом. — Т.А.) разворачивается перед нашими глазами и требует деятельного участия сейчас, без упования на прошлые события и без особого расчета на будущее. Объекты, вещи, люди, силы, идеи проявляют свою потенциальную политическую субстанцию в актуальной борьбе и конфликте сетевых взаимоотношений» [Сморгунов 2020: 131].

Еще одним важным аспектом мышления третьего поколения становится особое внимание к влиянию контекста и условий на принятие международно-политических и внешнеполитических решений, восприятие которых в значительной мере определяется рамками стратегической культуры. Например, в случае российско-американских отношений выделяются такие аспекты условий, которые, в свою очередь, радикально изменили основные способы и механизмы внешней политики:

а) асимметрия вместо паритета — игроки стараются оказать влияние друг на друга, исходя из обеспеченности сырьевыми ресурсами, уровня заинтересованности, декларируемых ценностей и других параметров, искажающих перцепцию действий другой стороны и меняющих ход переговоров;

б) нет единственного доминирующего инструмента (например, каким было ядерное оружие в эпоху «холодной войны»), увеличение значения, которое придается экономическим и прочим санкциям, манипулятивно-информационным операциям, методам «гибридной войны» и т.д. Наконец, необходимо также учитывать меняющуюся международную среду (пандемии, изменения климата, природные катаклизмы, транснациональные радикальные движения) [Джордан, Сталберг, Троицкий 2021: 10].

Конструктивизм сегодня, таким образом, наглядно демонстрирует, как в социальном познании происходит переход от «классической, механистической» (ньютоновской) картины мира к «неклассической» (эйнштейновской) и затем к «постнеклассической» (пригожинской), выразившийся в том числе в отказе от традиционной дихотомии «субъективное — объективное», в соответствии с которой «научность» предполагала игнорирование «субъективного» в процессе исследования. Наоборот, человеческое сознание со временем стало признаваться как приоритетный параметр, конструирующий онтологическое пространство. В сферу исследования

конструктивизма постепенно входят основные черты «постнеклассической науки» — нелинейность, коэволюция, самоорганизация, идея глобального эволюционизма, синхронистичность, системность, случайность и т. д. Реальность воспринимается, с одной стороны, как процесс, а с другой — как сеть взаимосвязей, в которую включен человек. Происходит соединение в ходе исследования системности и историчности. В естественные науки в конце концов входит проблема понимания; в социогуманитарные — проектно-конструктивная деятельность. Определяя те инструменты, при помощи которых можно формировать рациональное мышление, конструктивисты в последнее время обращают особое внимание на механизмы изменения фреймов сообщества.

Фрейминг в коммуникации

В последние годы теория фрейминга стала одной из наиболее часто применимых в науках о коммуникации. Корни подхода лежат в когнитивной психологии, а также антропологии. Постепенно фрейминг признали и в других дисциплинах, включая социологию, лингвистику, политологию, международные отношения и т. д., причем смысл теории зачастую менялся.

Как правило, фреймы (рамки) употребляются в контексте производства и интерпретации новостей, т. е. это своего рода связь между созданием и потреблением информации о событиях. Они показывают наиболее типичную манеру, каким образом журналисты формируют содержание новостей в соответствии с латентными структурами смыслов, а также восприятие их аудиторией, предварительно подготовленной для того, чтобы представлять мир в соответствии с презентациями журналистов [McQuail 2005].

Фрейминг может быть вычленен на нескольких фазах процесса коммуникации, в мышлении журналистов и аудитории, а также в целом в медийном содержании и с точки зрения культуры. В каком-то смысле фреймы окружают нас со всех сторон, однако остается все же непонятным, где они начинаются и где заканчиваются. Е. Гоффман показал, что фреймы следуют своей собственной логике и смыслом, насколько это возможно отделяясь от индивидов, но подчеркивая свою связь с культурой [Goffman 1974]. Фреймы составляют центральную часть всякой культуры, однако могут быть по-разному институционализированы. Соответственно, культура представляет собой организованную группу убеждений, кодов, мифов, стереотипов, ценностей, норм и т. д., а также фреймов, содержащихся в общей коллективной памяти какой-то группы или общества. Поскольку сам индивид не в состоянии изменить культурные феномены, фреймы обычно навязываются извне. Так, человек не может поменять принципы биржевой игры, выборов в парламент или правила дорожного движения. Тем не менее индивиды постоянно пользуются культурными феноменами. Журналисты включают их в содержание сообщений в СМИ и затем представляют их аудитории как некую данность, подразумеваемую сама собой.

Боулдвин Ван Горп, используя конструктивистскую парадигму, попытался интегрировать культуру в процесс фрейминга. Он обращает внимание на некоторые аспекты фреймов [Van Gorp 2007]:

1. Фрейминг позволяет журналистам и аудитории видеть, что одни и те же события могут иметь разные смыслы в зависимости от применяемого фрейма. Поэтому следует выявить наиболее часто используемые фреймы в других исторических контекстах и периодах.
2. Поскольку фреймы — часть культуры, актуальные фреймы не входят в содержание информации в СМИ, они в значительной степени независимы друг от друга. Смыслы, придаваемые содержанию сообщений СМИ и их связь с определенными фреймами оказываются частью процесса чтения. Обладая определенными предварительными знаниями культурных феноменов, читатели или зрители как бы пропускают через них получаемую новую информацию. Соответственно, может меняться ее смысл.
3. Процесс социального конструирования смыслов фреймов остается невидимым именно вследствие их связи с культурными феноменами. Он как бы имплицитен, незаметен для участников коммуникации. Но тогда это своего рода властный механизм. Другое дело, что восприятие и усвоение фреймов отдельным индивидом зависит от нескольких факторов, в частности внимательности реципиента, его интересов, верований, ожиданий, желаний и отношения к происходящему в целом. В этом отношении фрейм становится приглашением или требованием прочитать сообщение вполне определенным образом.
4. Подход с позиции культуры включает также влияние макроструктуры на процесс фрейминга. Иначе говоря, то, каким образом индивиды воспринимают информацию, мотивируется отнюдь не только их внутренними склонностями и реакциями, а направляется культурными процессами в целом. Принадлежность к культуре делает фреймы весьма стабильными, давая широкую интерпретацию реальности в отличие от подвижных и динамичных «схем» — организованного знания, личного опыта, воспоминаний и связанных с ними чувств [Fiske, Taylor 1991]. Стало быть, никакие строго индивидуальные фреймы невозможны в принципе.
5. Стабильный смысл фреймов означает, что они крайне медленно меняются со временем. А это означает, что «динамичные», находящиеся в процессе постоянных изменений и зависящие от ситуации и темы разговора, строго говоря, фреймами не являются. Однако нельзя назвать их и статичными. Процесс формирования фреймов по-своему динамичен. Применение фреймов — объект переговоров конкуренции между журналистами и аудиторией, новые утверждаются, другие исчезают.

Тем самым Ван Горп подчеркивает различие между событием, медийным содержанием и фреймом, обращает внимание на реконструкцию «пакетов фреймов», отношения между «пакетами фреймов» и культурными

феноменами, а также взаимодействие между спонсорами определенных фреймов, наиболее важными событиями, содержанием медийных сообщений, схем (объектов или отношений между объектами) и всей совокупностью фреймов.

Таким образом, сущностью фреймов является социальное взаимодействие. Сотрудники СМИ взаимодействуют со своими источниками и другими акторами в публичной сфере, реципиенты взаимодействуют с содержанием информации в СМИ, а также друг с другом. Таким образом, фрейминг одновременно «работает» на текстуальном, когнитивном, высшем внешнем уровне (в частности среди спонсоров и государственных структур), которые могут вносить собственные требования в освещение информации и ее подачу и, наконец, учитывать совокупность фреймов, укоренившихся в данной культуре.

Фрейм является средством, используемым для исправления значений, организации опыта, предупреждения других о том, что их интересы и, возможно, личность находятся под угрозой, и предложения решений текущих проблем. В целях стандартизации схемы обеспечивают индивидуальную интерпретацию конкретной ситуации, а затем предлагают соответствующее поведение в этом контексте. Таким образом, тщательно разработанная структура интерпретации является социальным источником власти с относительной автономией по отношению к материальным источникам власти.

Бертран Шейфеле — один из наиболее известных теоретиков фрейминга, выделил четыре основных фрейминг-эффекта: активизация, трансформация, формирование нового фрейма и, наконец, создание общих установок [Scheufele 2004].

Фреймы являются строительными блоками для создания многих резонансных форм и, таким образом, работают при выполнении правовых нормативных приказов. В эмпирической литературе много примеров, пропагандирующих эффективную структуру для вовлечения целевых регионов и разработки выигранных стратегий для глобальных изменений.

Можно сделать вывод, что конструктивистская парадигма в политике предусматривает анализ коммуникативной среды как инструмента достижения целей конструктивисткой политики: разрушения, смены и сохранения фреймов, вмешательства в габитус общества и конструирования систем, в том числе на международном уровне.

Рваные, не связанные между собой элементы текста объединяются в нечто целое благодаря культурным феноменам, которые одновременно отражают динамичный процесс конструирования социальной реальности. Фреймы, таким образом, вписываются в схемы реципиентов, легко заполняющих пустые графы, благодаря предшествующему опыту, образованию, начитанности, впечатлениям, традициям и т. д. Конструктивисты, по существу, показывают взаимодействие между интерпретативной деятельностью получателей информации и силой фреймов, проявляющихся в разных аспектах информационного содержания. Возникающие при этом микро- и макросвязи

помещают журналистов и их аудиторию в контекст, в котором они взаимодействуют уже с более широким обществом — именно таков социальный процесс, благодаря которому социальная реальность создается, воспроизводится и трансформируется.

Заметим также, что интегрирование разных аспектов процессов коммуникации в анализ фреймов не означает ограничения деятельностью СМИ. Фреймы, что неоднократно подчёркивалось, часть культуры. Поэтому «фреймовые пакеты» и культурные феномены — главные элементы влияния на схемы как носителей информации, так и их аудитории, поскольку именно фреймы — суть коллективной памяти. И одновременно базис конструктивистского подхода.

Заключение

Конструктивисты признают, подчеркивают М. Финнемор и К. Сиккинк, что «всякое исследование включает интерпретацию, и поэтому не существует нейтральной позиции, из которой они могли бы получить объективное знание о мире, но они различаются между собой в том, какой должна быть эта интерпретация и какого рода объяснение она получает» [Finmmore, Sikkink 2001:395]. При этом смыслы могут быть враждебными по отношению друг к другу или более или менее дружественными, соответственно, они могут содержать угрозу разрушения социальных структур, или, наоборот, способствовать реализации интересов как отдельных государств, так и сообществ.

Прежде всего, раскрывается контекст — международные события и процессы, на фоне которых структуры формируют смыслы. Соответственно, конструктивисты изучают, когда, как и почему одни конкретные практики становились относительно зафиксированными, в то время как другие продолжали сохранять подвижность, неустойчивость, изменчивость. Следующий шаг: утверждение правил относительно поведения отдельных индивидов (например, дипломатов или государственных деятелей), а также институтов. Эти правила, в целом отражая представления о существующем порядке, кроме того, стабилизируют ожидания акторов, в том числе по отношению к власти.

Кластеры правил — техники и обобщенные процедуры, применяемые в социальных практиках, уже несут более или менее стабильные смыслы, постепенно обретающие каузальную и нормативную силу. С какого-то момента они начинают превращаться в структуры.

Однако процесс на этом не останавливается. Шаг за шагом структуры поглощают все больше типов социального порядка, включая формальные организации, специфические институциональные режимы и, наконец, в конце концов выходят на уровень глобальной социальной системы. В любом случае наиболее значимым оказывается не тот или иной институт сам по себе, а «смысл», который ему придается.

Таким образом, конструктивизм «третьего поколения» подходит уже довольно близко к пропаганде, созданию иллюзорной реальности, формированию социально сконструированных феноменов, служащих проведению внешне-политических курсов, к «мягкой силе» как таковой. Как политическая теория он отнюдь не безобиден и хотя бы в силу этого заслуживает основательного осмысления.

Поступила в редакцию / Received: 14.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 27.07.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2023

Библиографический список

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Бубер М.* Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993.
- Джордан Дж.Е., Сталберг А.Н., Троицкий М.* Внешнеполитические ресурсы и инструменты в российско-американских отношениях // *Международные процессы*. 2021. Т. 19, № 1. С. 6–25. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.1.64.6>
- Калинина А.С.* Понятие Другого и этика в философии Э. Левинаса // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. № 5 (439). С. 124–129. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10516>
- Левинас Э.* Забота о добре // *Эмманюэль Левинас: Путь к Другому: сб. ст. и пер., посвящ. 100-летию со дня рождения Э. Левинаса*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. С. 177–180.
- Луман Н.* Общество как социальная система (Общество общества), Часть 1. М.: Логос, 2004.
- Сморгунов Л.В.* Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политики // *Социальные и гуманитарные знания*. 2020. Т. 6. С. 122–133. <http://dx.doi.org/10.18255/2412-6519-2020-2-122-133>
- Finnmore M., Sikkink K.* Taking Stock: The Constructivist Research Program // *International Relations and Comparative Politics, Annual Review of Political Science*. 2001. № 4. P. 391–416.
- Fiske S.T., Taylor S.E.* *Social Cognition*. NY: McGraw-Hill, 1991.
- Gallie W.B.* Essentially Contested Concepts // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1956. Vol. 56. P. 167–198
- Goffman E.*, *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Boston: Northeastern University Press, 1974.
- Habermas J.* *The Philosophical Discourse of Modernity*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1987.
- Matthews M.* *Time for Science Education. How Teaching the History and Philosophy of Pendulum Motion Can Contribute to Science Literacy*. NY: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2000.
- McQuail D.* *McQuail's Mass Communication Theory*. London: Sage, 2005.
- Mouffe Ch.* Deconstruction, Pragmatism and the Politics of Democracy // *Deconstruction and Pragmatism / ed. by Mouffe Ch.* London-NY: Routledge, 1996. <https://doi.org/10.4324/9780203431481>
- Neubert S., Reich K.* The Ethnocentric View. Constructivism and the Practice of Intercultural Discourse // *Proceeding of the Learning Conference "Learning for the Future" / ed. by C. Bill, M. Kalantzis*. Spetses: Dimotiko Skolio of Spetses, 2001.

- Onuf N.* World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South Carolina Press, 1989.
- Reich K.* Die Ordnung der Blicke. Perspektiven des interaktionistischen Konstruktivismus, Bd. 1: Beobachtung und die Unscharfen der Erkenntnis. Bd.2. Beziehungen und Lebenswelt. Neuwied u.a.: Luchterhand, 1998.
- Rockmore T.* On Constructivist Epistemology. Lanham: Rowman and Littlefield, 2005.
- Scheufele B.* Framing-effects Approach: A theoretical and Methodological Critique // Communications. 2004. No. 29. P. 401–428.
- Subotic J., Zarakol A.* Cultural Intimacy in International Relations // European Journal of International Relations. 2013. Vol. 19, no. 4. P. 915–938.
- Van Gorp B.* The Constructivist Approach to Framing: Bringing Culture Back In // Journal of Communication. 2007. No. 57. P. 60–78.
- Zarakol A.* TRIPping Constructivism // Political Science. 2017. Vol. 50. P. 75–78. <https://doi.org/10.1017/S1049096516002183>

Сведения об авторах:

Алексеева Татьяна Александровна — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой политической теории, МГИМО МИД России (e-mail: ataleks@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6561-2281)

Верховская Жанна Александровна — кандидат культурологии, доцент кафедры политической теории, МГИМО МИД России (e-mail: zh.a.verkhovskaya@inno.mgimo) (ORCID: 0000-0002-3229-0415)